

ИНТЕРПРЕТАЦИИ. КАПИТАЛИЗМ И ЕГО ИНСТИТУТЫ: СВОБОДНЫЙ РЫНОК VERSUS СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Б.Ю. Кагарлицкий

Экономика принуждения: от империй к империализму

Очередной кризис капитализма дает дополнительный материал и создает потребность в том, чтобы разобраться в истоках системы, агония которой наблюдается в рамках повседневности.

На уровне практики либеральные мифы, сводящие развитие экономики к постепенному торжеству «свободного рынка», к концу 2000-х гг. отвергались всяким, кто способен был просто внимательно осмотреться вокруг. Однако исторический анализ капитализма по-прежнему, даже в марксистской литературе, был перегружен мифологическими представлениями о сугубо рыночном происхождении буржуазной системы, о том, что частное предпринимательство развивалось как-то само собой, стихийно перестраивая общество, которому оставалось только следовать по пути, заданному требованиями рыночной экономики.

Строго говоря, нет никакой принципиальной разницы в том, как видит происхождение капитализма Маркс в «Коммунистическом манифесте», и в том, как этот процесс представляют себе либералы в традиции Адама Смита, с той лишь разницей, что законы экономики либеральному сознанию представляются естественными, а Марксу исторически и социально обусловленными, а потому меняющимися вместе со способом производства. В более поздних работах Маркса взгляд на происхождение капитализма и роль государства в этом процессе несколько меняется, но это изменение подхода в четкой форме не было выражено, в отличие от того, что написано в «Манифесте».

Соответственно, критика капитализма в левых кругах на каждом шагу превращалась в однообразную критику рынка, причем часто сводилась к потоку lamentаций или, наоборот, к злой, но ба-

нальной иронии. Несмотря на старания марксистских исследователей и других представителей исторической социологии, военно-политическая и социально-экономическая история государств сплошь и рядом служили в подобных повествованиях лишь фоном друг для друга, пересекаясь исключительно в моменты революционных катаклизмов.

Капитализм представляет собой определенную экономическую систему и соответствующий способ производства. В основе и того, и другого лежит суверенная частная собственность на орудия и средства производства, свободный наемный труд и продажа продукции в качестве товара на рынке. Однако все эти элементы в той или иной форме существовали или существуют также в обществах, не являющихся капиталистическими; как ни парадоксально, исключение составляет *суверенная* форма частной собственности, которая появляется исторически гораздо позже, чем рынок и наемный труд. Вопрос в том, что превращает этот хозяйственный уклад, порой существующий наряду с совершенно другими укладами, в экономическую систему, что делает его господствующим? Фернан Бродель однажды бросил мысль о том, что рынок существовал задолго до капитализма, но именно государство превращает рынок в капитализм. Эта мысль, как и многие другие важнейшие идеи Броделя, брошена в его тексте неразвитой и недодуманной, но именно она дает ключ к пониманию процессов трансформации, благодаря которым сложилась современная мировая система.

Для Маркса, как и для других авторов второй половины XIX в., не было никакой загадки в том, что Западная Европа подчинила себе Индию и Китай, заставив страны Азии идти в фарватере формируемой ими новой мировой экономики. Производительные силы Запада были значительно более развиты, в силу чего именно там сложились более передовые производственные отношения и как результат – более динамичное, более эффективное общество.

Картина совершенно изменилась, когда историкам стало ясно, насколько в XV–XVI вв. страны Востока опережали Западную Европу по уровню экономического развития. С другой стороны, заставив нас отказаться от политэкономии XIX в., подобные исследования не дали нам нового объяснения описываемых процессов. Вернее, объяснения эти выглядели крайне неубедительными и поверхностными, начиная от предположения о превосходстве

уникальной культуры Запада до совсем уже отчаянного вывода позднего Андре Гундер Франка, что Западу просто повезло, когда Колумб случайно открыл Америку. Парадоксальным образом, хотя новое знание об экономическом развитии Востока стало результатом исследований целого ряда левых авторов, стремившихся поставить под вопрос империалистическую идеологию европоцентризма, оно нанесло мощнейший удар по марксистским историко-экономическим теориям, дав толчок к распространению своеобразного культурного расизма, отстаивающего превосходство западных ценностей. Однако если дело исключительно в культуре, то откуда происходит сама культура?

Продолжавшаяся в течение полутора десятилетий дискуссия выявила, что исходная теория Маркса – даже при всех ее ставших теперь очевидными недостатках – в научном отношении более обоснована и более логична, чем все концепции, которые призваны были придти ей на смену. Возникает, казалось бы, неразрешимое противоречие: теория Маркса опирается на ряд явно неверных посылок и, следовательно, «фактически» не верна, но все остальные теории ещё более ошибочны!

Единственно возможный ответ состоит в том, что теория Маркса всё же верна, но не полна. Иными словами, существует некое недостающее звено, которое не было в полной мере проанализировано автором «Капитала», в силу чего и обнаружились нестыковки в его исторической схеме. Таким недостающим звеном, скорее всего, является институциональная роль государства.

Мировая система не могла бы обрести своей экономической формы без систематических и целенаправленных политических усилий. Конечно, эти усилия в свою очередь были предопределены реальными интересами, в том числе классовыми. Надо, однако, понимать, что сами классы, о которых мы говорим, были, например, в XVI в. не такими же, как в XIX, они проходили серьезную эволюцию вместе с государством и экономикой. Государство XVI и тем более XVII в. куда более буржуазно, чем обычно принято думать. И относится это отнюдь не только к Голландии и Англии, которых принято считать пионерами капиталистического развития. Идеология свободного рынка исключительно популярна при дворе испанских Габсбургов, а португальская колониальная империя управлялась примерно так же, как сегодняшние госкорпорации,

только лучше. Задача колоний – обеспечивать торговую прибыль, к реализации которой привлекаются сетевые структуры частного бизнеса по всей Европе.

В основе экономической логики капитализма лежит процесс самоподдерживающегося и самовоспроизводящегося накопления капитала, но тут возникает ещё один вопрос: в XV–XVI вв. накопление капитала быстрее всего происходит в торговле. Между тем буржуазный уклад, которому предстоит лечь в основу новой системы, развивается в сфере производства. Между ними есть определенная связь, но в указанный период эксплуатация наемного труда является далеко не оптимальным и не самым выгодным способом накопления капитала. Каким же образом последний приходит в производство? Почему буржуазные производственные отношения соединяются с процессом накопления капитала, что не было самоочевидно применительно к периоду XIV–XVII вв.?

Подчеркивая значение наемного труда как основы буржуазных производственных отношений, Маркс в «Капитале» одновременно указывал: «Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала»¹. Таким образом, капитал, как и рыночная экономика, не только существовал задолго до капитализма, развиваясь и укрепляясь прежде всего в торговле, но и опирался на производство, отнюдь ещё не организованное по новым буржуазным принципам. Далее крестьянин и ремесленник подвергаются экспроприации, утрачивают свое мелкое хозяйство, превращаясь в наемных рабочих. Однако это происходит не сразу и уже после того, как буржуазия сумеет добиться экономического и политического влияния. Иными словами, капитал сперва возникает вне производства, потом подчиняет себе производство, а затем уже в массовом порядке создает собственное производство, основанное на использовании наемного труда.

Переломными моментами, благодаря которым происходят подобные трансформации, являются большие экономические кризисы. Первый из них – кризис XIV века, сопровождавшийся войнами и эпидемиями, оборачивается первой общеевропейской антифеодальной революцией, наиболее ярким и самым поздним

проявлением которой, конечно, явилась уже в XV в. гуситская революция в Чехии. Но явные признаки революционной борьбы мы видим и в Англии, и во Франции, в Италии и Германии. При более пристальном взгляде обнаруживается, например, что Столетняя война отнюдь не была конфликтом двух стран и уж никак не может считаться английской агрессией против Франции в современных понятиях (парламент давал деньги королям только при условии, что они гарантировали: Англия никогда не будет объединена с Францией). Париж восторженно приветствовал английские гарнизоны (первый раз во время восстания Этьена Марселя), сопротивлялся войскам Жанны д'Арк и т. д. Итогом этих войн и социальных конфликтов стала «пассивная революция»² в Англии, а затем и во Франции, когда импульс буржуазно-модернистского преобразования, не достигшего успеха «снизу», был подхвачен и реализован в «консервативных» политических формах – «сверху».

Важнейшим итогом кризиса XIV в. было крушение экономической и политической мощи городов-государств и торжество «территориального государства» как единственной формы, в которой могли развиваться новые общественные отношения. В этом плане, на мой взгляд, категорически неверны представления Дж. Арриги и С.Амина о городах-государствах как силе, способствовавшей развитию капитализма. В XIV в. они играют уже консервативную роль, сдерживая своим паразитизмом хозяйственное и социальное развитие. Противостоящее им государство не менее «буржуазно», но оно опирается на аграрное общество, а не только паразитически эксплуатирует его, оно формирует рынки, а вместе с ними и новые социальные отношения.

Абсолютистское государство вовсе не было просто поздней формой феодальной политической организации, оно было ориентировано на модернизацию и буржуазное развитие, но на основе компромисса старых и новых элит. По существу оно представляло собой автономное образование «цезаристского типа», т. е. в значительной мере межклассовое. Любопытно, что именно такую трактовку абсолютизма давали Маркс и Энгельс, но она была проигнорирована последующими марксистами, изображавшими абсолютизм как исключительно феодальное образование, продержавшееся вплоть до начала XIX в.

Между тем именно в рамках абсолютизма складываются две модели интеграции буржуазных и феодальных интересов в политике – английская и французская. Первая построена на принципе договорных отношений, политического контракта, осуществляемого посредством парламентских решений, принимаемых, однако, на основе королевских инициатив. Французская модель – модель неформально-коррупционной интеграции капитала во власть – существовала, начиная с Жака Кера в XV в.. Эта модель, впоследствии воспроизведенная в России, является далеко не аномалией, а вполне естественным вариантом буржуазного развития, повторяющимся в большинстве стран континентальной Европы. Обе модели, впрочем, потерпели неудачу. Английская – в XVII в., когда монархия попыталась злоупотребить своими полномочиями, перераспределив реальную власть; раньше то же пытались сделать Габсбурги в Нидерландах с тем же успехом, но в XVII в. с большим успехом – в Каталонии, где революция, похожая на английскую, была побеждена. Во Франции неформально-коррупционная модель потерпела крах в XVIII в. – при столкновении с Англией.

Второй кризис, сформировавший современную капиталистическую систему, это кризис XVII века, сопровождавшийся новой волной восстаний и революций – от Англии до Каталонии, от французской Фронды до русской Смуты. Причиной кризиса была истощенность рынков в рамках торгового капитализма и как следствие крушение феодально-буржуазного компромисса, суть которого состояла в накоплении капитала за счет феодальных ресурсов. Итогом кризиса стала не только буржуазная революция в Англии и появление первого либерального политического режима, но и торжество меркантилизма – протекционистской политики государства. *А итогом меркантилизма становится появление национального государства со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до поэзии Пушкина и музыки Вагнера.* В этом плане вся история капитализма может быть рассмотрена как чередование «либеральных» и «государственных» фаз, свободных рынков и протекционизма, глобализаций и де-глобализаций. Принципиально важно, однако, что именно государственная политика меркантилизма обеспечивает окончательную смычку капитала и производства. *Вообще говоря, «протекционистские» фазы являются также фазами «производственными», а «либеральные» –*

«торговыми». Например, после 1860 г. выход индустриальной революции за пределы Британии сопровождается подъемом национализма, возникновением национальных государств (Германия, Италия, объединение США после гражданской войны и т. д.), а также повсеместным распространением протекционизма.

XVII век был не только временем формирования современного государства и пресловутой «Вестфальской системы», которая, впрочем, начала складываться задолго до Вестфальского мира 1648 г., но и периодом острой борьбы за торговую гегемонию, сопровождавшейся колониальной экспансией новых империй – английской, голландской и французской. Вопреки мнению Арриги, невозможно найти признаков голландской гегемонии в политической сфере, но в плане коммерческой практики голландцы создали базовые модели, которые англичане и французы, соединив их с государственной поддержкой, в свою очередь сделали мощными средствами экспансии и борьбы за собственную гегемонию. Империи использовали насилие в соответствии с голландским принципом «неразделимости войны и торговли». Капитализм нуждался в государственном насилии ещё и для того, чтобы обеспечить принудительное использование несвободного труда для производства дешевых товаров, предназначенных для мирового и местных рынков. *Рабство и работорговля достигают в процессе становления нового, свободного мира – мира становящегося либерального капитализма – куда больших масштабов, чем в античном мире Средиземноморья. На тот же период приходится закрепощение крестьян в России и в Восточной Европе, а также в Германии к Востоку от Эльбы, и это далеко не случайное совпадение. Дешевые продукты рабского и крепостного труда были необходимы для субсидирования свободного труда на Западе, и это в свою очередь стало важнейшим условием прихода капитала в производство. Без этой русской, африканской, восточноевропейской и южноамериканской «субсидии» капиталистическое производство Запада вряд ли могло бы состояться в той форме, в какой мы его знаем.*

Наконец, именно государство формирует институциональную базу капитализма, без которой тот просто не может существовать. Это отнюдь не похоже на роль ночного сторожа, предписываемую правительствам либеральной традицией. Вернее,

государство должно выступать в этой роли после того, как его конструктивно-преобразовательная роль – с точки зрения и в интересах буржуазии – уже выполнена.

Институт частной собственности складывался постепенно на протяжении позднего Средневековья. В феодальном обществе, даже там, где частная собственность существовала, она отнюдь не являлась универсальным и всеобщим экономическим принципом. Имущественные отношения регулировались на основе многочисленных правил, постановлений и обычаев, описывавших права владения, пользования, наследования, которые зачастую были не связаны друг с другом, а порой и противоречили друг другу. Как замечает Энгельс, «бюргерская собственность средних веков была ещё сильно переплетена с феодальными ограничениями, состояла, например, главным образом из привилегий». И лишь позднее она смогла превратиться в «чистую частную собственность»³. Так же и крестьянский надел или феодальное имение часто могли наследоваться, но не отчуждаться их владельцами, а земли, принадлежавшие общине, не были в строгом смысле её собственностью, само существование общины предполагало её связь с конкретной территорией, а потому вопрос об отчуждении земли, сдаче её в аренду или коммерческом использовании просто не мог быть поставлен, даже если соответствующие формы хозяйственных отношений уже имели место в обществе. Права далеко не всегда фиксировались документально, будучи закреплены обычаем.

Начиная с XIII в., обращение к античности, провозглашенное новой культурой Ренессанса, не в последнюю очередь было связано с возвратом к принципам римского права, которое должно было прийти на смену многочисленным «правдам», законам и обычаям феодальной эпохи. «Как короли, так и бюргеры, – писал Энгельс, – нашли могущественную поддержку в нарождавшемся сословии *юристов*. Когда было вновь открыто римское право, установилось разделение труда между попами – юридическими консультантами феодальной эпохи – и учеными юристами, не имевшими духовного звания. Эти новые юристы, разумеется, по самому существу своему принадлежали к бюргерскому сословию; да к тому же и то право, которое они изучали сами, которому учили других и которое применяли, по характеру своему было в сущности антифеодальным и в известном отношении буржуазным»⁴.

Римское законодательство с его четкими и непротиворечивыми формулировками, кодифицированное и регулирующее различные стороны жизни на основе общих принципов, было идеалом буржуазии. Другое дело, что реальное понимание частной собственности и частных прав в античности отличалось от сложившейся впоследствии буржуазной собственности так же, как древняя экономика – от современной. Римское право было воспринято эпохой Возрождения как юридическая утопия, точно так же, как и античность в целом превратилась из реальной исторической эпохи в нравственно-эстетический идеал, необходимый для решения идеологических задач Нового времени.

Между тем для практического становления института частной собственности одного только юридического идеала было недостаточно, требовалась систематическая «дрессировка общества»⁵, которая могла быть осуществлена только государством с помощью принуждения, а порой и насилия.

Маркс в «Капитале» отмечает, что аграрные отношения в Англии, основанные на соединении крестьянского индивидуального хозяйства с общинным землепользованием, радикально отличались от системы, построенной по капиталистическим принципам. Такие отношения при одновременном расцвете городской жизни, характерном для XV столетия, создали условия для повышения народного благосостояния, «но эти отношения исключали возможность капиталистического богатства»⁶. Для того, чтобы на место вольного крестьянского труда пришел наемный труд буржуазной фабрики, был необходим настоящий переворот, в ходе которого «значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса»⁷. В Англии этот переворот происходит в середине XVI в. в связи с «огораживанием», когда владельцы крупных имений присваивали себе и захватывали общинные земли, а также в ходе Реформации, когда были экспропрированы и разделены между представителями «нового дворянства» земли монастырей; жившие там крестьяне были изгнаны или поставлены в положение батраков. В горной Шотландии тот же

процесс развернулся значительно позже, в XVIII столетии, когда главы кланов переписали на себя земли, ранее принадлежавшие клану в целом.

Маркс акцентирует внимание прежде всего на том, что буржуазная частная собственность возникает за счет экспроприации мелких производителей – чтобы произошло накопление капитала в руках немногих на одном полюсе системы, надо отнять собственность у массы людей на другом её полюсе. Даже если у этой аграрной революции есть «экономические пружины», всё равно необходимы оказываются «насильственные рычаги»⁸.

Однако массовая экспроприация трудящихся, о которой пишет автор «Капитала», «освобождение» людей от находившихся в их руках средств производства требовало не только государственного насилия в дотоле невиданных масштабах, но и целенаправленной работы над юридическим и институциональным оформлением новой системы. Формирование частной буржуазной собственности опирается на замену старого закона новым, обычая – писаным правом, неформальных взаимных обязательств – коммерческими контрактами. Установление частной собственности основывается на отрицании прежних имущественных прав, которые вроде бы и не являются правами вовсе, коль скоро они не закреплены через новую юридическую практику, которая для низов общества оказывается принципиально недоступна. В этой ситуации государство выступает в двоякой роли, применяя насилие для ликвидации старых имущественных отношений и одновременно устанавливая новые отношения собственности. Оно обеспечивает уважение к новой собственности ценой игнорирования и нарушения старых прав.

Между тем распространение буржуазных отношений далеко не всегда происходило за счет пролетаризации крестьянства. Как показал опыт стран, оказавшихся на периферии капиталистического мира, экспроприация непосредственных производителей зачастую принимала иные формы, сохраняя связь крестьянина с землей, но лишая его контроля над производимой им продукцией, которая изымаясь помещиками и властями и поступала на рынок, где включалась в процесс накопления капитала. И в «западном», и в «восточном» варианте принципиальную роль играло государственное принуждение.

Наконец, остается принципиально важный вопрос об организации мирового экономического пространства. Вопреки представлениям, характерным для Адама Смита, согласно которым открытие рынков происходит стихийно, под давлением «дешевой цены товаров», на практике имеет место постоянное давление, включая вооруженные интервенции, без которых не просто открытие, но и возникновение рынков было бы невозможно. Это принуждение к рынку осуществлялось в ходе колониальной экспансии, причем в Индии местная буржуазия спонсировала английских полководцев, стремясь их руками преобразовать собственное общество. Роберт Клайв, начавший завоевание Индии, не получал финансирования из Лондона, где с большим подозрением смотрели на его военные предприятия, но он не испытывал нужды в деньгах, поскольку бенгальские предприниматели щедро выделяли ему столько средств, сколько он просил. С другой стороны, каждая успешная операция завершалась дележом добычи, в котором участвовали все заинтересованные группы – местные английские бизнесмены, индийские банкиры, армянские купцы и т. д.

Проблема Индии и Востока не в том, что они были «отсталыми» или не имели развитых форм предпринимательской культуры, – современные исследования убедительно опровергают эти тезисы, демонстрируя, напротив, что именно европейцы учились бизнесу у индусов, а часто и у мусульман, не говоря уже об армянах и азиатских евреях, но в том, что они *не сумели или не успели выработать государственных форм, обеспечивавших буржуазное развитие. Европа опередила Восток именно в этом отношении и именно поэтому стала центром формирующейся капиталистической миросистемы. Европейские империи стали формой организации соответствующего мирового экономического и социального пространства, а империализм – итогом развития этих империй.* Монополизация производства стала итогом развития свободного рынка, а олигополистическая конкуренция – глобальной формой, в которой может существовать буржуазный порядок в эпоху, когда концентрация капитала достигает планетарных масштабов. Государство в очередной раз спряталось за рынок, предоставляя капиталу непосредственное управление текущими процессами – в той мере, в какой капитал мог осуществлять его без прямого насилия, эффективно и самостоятельно. Но *кризис начала XXI в. свидетель-*

ствует о том, что в очередной раз ресурс буржуазного саморегулирования исчерпан. То, как быстро исчерпываются эти ресурсы, дает основание подозревать, что свободный рынок является скорее серией эпизодов в рамках капитализма, чем его нормой. Очередной кризис возвращает государство на авансцену экономического развития, но подобно тому, как это произошло в ходе кризисов XIV и XVII вв., а также начала XX в., это возвращение будет сопровождаться войнами и революциями. И на сей раз революции будут, скорее всего, антибуржуазными.

Примечания

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 157.
- ² Термин А.Грамши.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 412.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Термин В.Куренного.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 729.
- ⁷ Там же. С. 728.
- ⁸ Там же. С. 734.